

ВИКТОР
ПРОНИН
РИТУАЛЬНЫЕ
УСЛУГИ

Банда

Виктор Пронин
Ритуальные услуги

«ЭКСМО»

1995

Пронин В. А.

Ритуальные услуги / В. А. Пронин — «Эксмо», 1995 — (Банда)

Заживо горит облитый бензином боевик мафиозной группировки, крышкой от консервной банки отрезают уши несговорчивому банкиру, взрываются шикарные автомобили – и все эти зловещие акции происходят из-за того, что в городе появилась неуловимая и отчаянно дерзкая банда, объявившая всем – и властям, и бандитам – беспощадную войну.

© Пронин В. А., 1995

© Эксмо, 1995

Виктор Пронин

Ритуальные услуги

Зима оказалась на удивление снежной и мягкой. Оттепели шли одна за другой, потом опять валил снег, через несколько дней снова таял, превращаясь в жидкое месиво. Водители озоровали вполне в духе времени: разогнавшись, прижимались к самой обочине, с удовольствием обдавая прохожих снежной грязью. А те отвечали тоже в духе времени: матерились на чем свет стоит, грозили кулаками, записывали номера машин, хотя прекрасно понимали, что ничего, ну совершенно ничего не смогут сделать этим стервецам.

Но не все матерились. Некоторые ребята взяли за обыкновение носить камни за пазухой в самом полном и прямом смысле слова. Разве что только не за пазухой, а в сумке. И стоило самонадеянному «Мерседесу» неосторожно или, наоборот, расчетливо приблизиться к обочине и окатить грязью беспомощных и занюханных вроде ребятишек, как вслед ему неслись булыжники, разбивая вдребезги стекла, фонари, оставляя вмятины, каждая из которых оборачивалась сотнями тысяч убытков. Машина тут же останавливалась, из нее выскакивал взбешенный водитель в кожаной куртке и зеленых штанах. Но, увидев перед собой молчаливые лица ребят, которые смотрели на него выжидающе и даже как бы поощрительно: дескать, давай, дорогой, подходи поближе, тут же линял. Бессильно матерился, усаживался в оскверненную, обесцвеченную машину и отбивал восвояси. Уже стараясь держаться поближе к середине дороги. Но и до драк доходило, до крови, до травматологических услуг.

Бывшие музыканты, окончательно обнищавшие и отошавшие, сбивались в оркестрики и, расположившись в подземных переходах, играли о том, как утомленное солнце нежно с морем прощалось, играли «Прощание славянки», «Вставай, страна огромная». Надо же, пришли времена, когда эта мелодия перестала восприниматься как напоминание о давней войне, теперь это был призыв к бунту, к топору. Люди останавливались в полутемных переходах с выбитыми, выкрученными лампочками, вывороченными патронами и, не выпуская из рук сумок, чемоданов, портфелей, насупленно слушали. Они уже были готовы, они созрели. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, с торговой силой темною, с проклятою ордой...»

– Ну что, батя? – спросил веселенький, поддавший музыкант, вытирая губы от слюней и отставляя свою трубу. – Молодость вспомнил?

– Вспомнил.

– Давай, батя, на заказ исполним... Концерт по заявкам... Ну? Чего хочешь услышать?

– Это... Сработайте еще раз...

– Не понял! Что сработать?

– Ну, эту... Страна огромная...

– Не надоело? – удивился трубач.

– Просит ведь человек, – поддержал старика парень в затертом свитере.

Музыканты переглянулись, но не удивились, привыкли, что эту мелодию им приходилось играть по несколько раз подряд. Перед ними стояла консервная банка из-под немецкой несъедобной тушенки, и именно под эту песню наполнялась она быстрее всего, правда, мелочью, в основном сотнями, двухсотками. И снова темный переход наполнился будоражащими звуками. Люди останавливались, ставили к стенке свои узлы и оцепенело смотрели не то в прошлое, не то в будущее. Что-то бередила музыка в душах, набатом звучала, напоминала о полузабытых, отвергнутых истинах, о временах, которые поторопились проклясть, о делах, от которых поторопились отречься. Начинали понимать – от самих себя отрелись.

– Ничего, ребята, – вполголоса бормотал старик. – Ничего... Авось...

– Грозишься? – спросил его сосед.

– Авось, – повторил старик.

Пафнутьев тоже постоял в сторонке, не смог пробежать легко и бездумно, хотя торопился, не имел права терять ни минуты. Сутуло постоял у выхода, засунув руки в карманы куртки и исподлобья глядя на людей, окруживших музыкантов. А когда осознал, что мелодия затянулась, что музыканты явно пошли на третий круг, медленно и тяжело поднялся по ступенькам. Он бы еще постоял, послушал, но не мог. Павел Николаевич Пафнутьев торопился, пятнадцать минут назад в квартале отсюда прогремела длинная автоматная очередь. Милиция уже была там, на месте, «Скорая помощь» тоже примчалась, теперь вот и он добирался пешком, хотя мог и отвертеться, но позвонил Шаланда.

– Подошел бы, Паша, – сказал он.

– А что там?

– Круто, Паша. Очень круто. Подходи.

– Буду, – сказал Пафнутьев и положил трубку.

Андрея с машиной под рукой не оказалось, и он отправился пешком, тем более что идти было недалеко – не то два, не то три квартала. Валил мокрый снег, ветер дул прямо в лицо, но не холодный, почти плюсовой ветер. Пафнутьев был даже рад выйти из прокуратуры на свежий воздух и шел, откровенно наслаждаясь и погодой, и этим вот липким снегом, и тем, что случившееся больше касалось Шаланды, чем его, Пафнутьева. Пусть Шаланда вертится там, пусть пластается, а если хочет услышать утешительные, подбадривающие слова, он их услышит. «За словами дело не станет», – усмехнулся Пафнутьев. Мы так насобачились произносить слова по разным поводам и без всякого повода, что каждого второго можно смело отправлять дипломатом в любую страну – справится. Увертки, недоговорки, невинное умалчивание и готовность с пеной у рта отстаивать полуправду, увиливание и от ответа, и от вопроса. Да, это тоже мастерство – увильнуть от вопроса, не услышать того, на что не можешь ответить.

* * *

Пафнутьев издали увидел место происшествия: возле ресторана стояла плотная темная толпа, уже припорошенная снегом, вертелась в снегопаде синяя милицейская мигалка, издали был виден красный крест на машине «Скорой помощи». Подойдя ближе, Пафнутьев увидел, что громадные витринные стекла ресторана выбиты, они осыпались и горками битого стекла лежали вдоль стены. Раньше это был универмаг, занимавший первый этаж, но повеяли новые ветры, и ресторан показался более прибыльным. Новый владелец вложил деньги в благоустройство, и теперь у входа стояли искусственные елочки с маленькими, круглосуточно горящими лампочками, полыхало неоновое зарево, над входом соорудили козырек с колоннами, к стеклянным дверям прикрепили бронзовые ручки. Все призвано было подготовить посетителя к большим тратам.

Окинув взглядом пустые провалы в здании, Пафнутьев прямо через выбитое окно шагнул в ресторан. Длинные золотистые шторы бились на ветру, под ногами хрустело стекло, в глубине зала суматошно мелькали человеческие фигуры. У стены санитары неспешно и деловито укладывали кого-то на носилки, вдоль окон уже намело снега, и он тут же таял. Человек вскрикивал, матерился, в руках его была судорожно сжата скатерть, видимо, падая, он схватился за нее и сдернул вместе с посудой. Скатерть была залита кровью, у стола валялись разбитые бутылки, фужеры, и Пафнутьев с болезненной четкостью слышал, как ломко кололись осколки хрусталя под ногами санитаров.

Подойдя поближе, он остановился. Что-то его насторожило, что-то в происходящем было неправильным, неестественным.

Санитары.

Окровавленный человек, судорожно вцепившийся в скатерть.

Нестерпимый хруст стекла под ногами...

Полыхающие на ветру шторы.

Шум улицы, доносящийся сквозь выбитые окна...

И вдруг Пафнутьев понял – человек, которого укладывали на носилки! Вот где была несуразность. Он смотрел на Пафнутьева ясным настороженным взглядом и извивался на полу гораздо сильнее, чем это могло быть при сильной боли. Не столько от боли он корчился, сколько по другой причине.

Пафнутьев зашел с другой стороны, боком присел к столу, закинув ногу на ногу, и только в таком положении увидел, в чем дело, понял, чем объясняется странное поведение раненого, – тот ногой пытался затолкнуть под ковер плоский черный кошелек. Пафнутьеву ничего не оставалось, как поднять кошелек. Вернувшись, он опять сел боком к столу, чтобы видеть и возню с раненым, и ресторан, и толпу людей за выбитыми стеклами.

Решительно подошел тяжеловатый Шаланда, резко отодвинул стул, плотно сел, поставив локти на скатерть. На Пафнутьева он смотрел требовательно и недовольно, будто тот был виноват в происшедшем.

– Что скажешь?

– Надо бы у хозяина кофе попросить, – ответил Пафнутьев.

– Знаешь, сколько здесь стоит чашка кофе?

– Мы на службе... Платить не надо.

– Да? – удивился Шаланда не столько словам Пафнутьева, сколько тому, что ему самому не пришла в голову такая простая мысль. – Думаешь, даст?

– С радостью, – усмехнулся Пафнутьев. – И будет счастлив. А если обед закажем с шампанским и трепангами, то он вообще решит, что это лучший день в его жизни. Все изменилось, Шаланда, все изменилось. Эти «новые» просто с восторгом готовы оказывать услуги, угождать, дарить, поить, кормить... Ты когда последний раз был на Канарских островах?

Шаланда сверлил Пафнутьева маленькими острыми глазками, спешно прикидывая, оскорбление стоит за этими словами или что-то другое? Обидеться немедленно или подождать?

– Вчера вернулся, – наконец произнес он, пересилив себя.

– Врешь. Не был ты на Канарских островах. И никогда не будешь. Но возможность есть.

– Ну?

– Если попросишь хозяина ресторана, просто попросишь... Впрочем, и просить не надо... Достаточно намекнуть – мечтаю, дескать, с детства... И этого будет достаточно. Единственный вопрос, который он задаст... Знаешь какой?

– Ну? – Шаланда наклонил голову.

– Спросит, когда у тебя отпуск.

– И что дальше?

– За две недели до отпуска вручит авиабилеты туда и обратно, паспорт с визой, небольшой конверт... На карманные расходы. На Канарских островах, между прочим, удивительно быстро уходят деньги.

– Откуда ты знаешь?

– Мне так кажется. Представляешь, Шаланда, красавицы любого цвета кожи будут почитать за счастье распить с тобой бутылку шампанского, провести с тобой ночь, сумасшедшую ночь на берегу теплого океана...

– Я женат, – хмуро перебил Шаланда.

– Там ты об этом забудешь. Но если так решительно отрекаешься от красавиц... Можешь захватить с собой и свою половину... – усмехнулся Пафнутьев. – Только предупреди заранее... Хочу, дескать, любимой жене Канары показать...

– И что от меня потребуется?

– Ничего.

– Совсем ничего?!

– Да, Шаланда, да! Ну вот совершенно ничего! Разве что хорошее отношение... Чтоб здоровался ты с хозяином, заходил иногда, трепался бы с ним о том о сем... Представляешь, какие времена настали? – Обернувшись в зал, Пафнутьев увидел хозяина ресторана. – Леонард! – крикнул и поманил того пальцем.

* * *

Да, это был Анцыферов, бывший городской прокурор. Как всегда нарядный, стремительный в движениях, легкий, правда, седина – седина у него появилась довольно заметная. Но что делать, испытания, которые ему пришлось перенести, у кого угодно вызовут седину. Хоть и недолгими были его страдания за колючей проволокой, но перенес он их болезненно. Видно, слишком большой оказался перепад между прежним его положением и ролью заключенного. Но оправился быстро, надо отдать должное. Уже через два месяца приобрел ресторан, месяц ушел на ремонт, благоустройство, и вот нате вам – Леонард Леонидович Анцыферов принимает самых влиятельных людей города.

– Здравствуй, Паша! – произнес Леонард с такой искренней радостью, что Пафнутьев просто вынужден был подняться и пожать холодную узкую ладонь Анцыферова. – Редко заходишь!

– Прохладно у тебя здесь... Дует.

– Не всегда, Паша, не всегда. – Анцыферов почтительно присел не у самого стола, а чуть в отдалении.

– Да, прошлый раз окна остались целы, – пробормотал Шаланда.

– Нас всех подстерегает случай, – со вздохом процитировал Анцыферов.

– Над нами сумрак неминуемый? – спросил Пафнутьев, давая понять, что и он не лыком шит, и он по части стихов не последний человек. – Кофейку бы, а, Леонард?

– А может, чего покрепче? – живо спросил Анцыферов.

– Для этого мы придем как-нибудь вечером, да, Шаланда? Кстати, Леонард... Представляешь, наш друг Шаланда ни разу не был на Канарских островах... А мечтает! Жена просто затылок ему прогрызла с этими островами... Помоги!

– У тебя когда отпуск? – спросил Анцыферов у Шаланды, и тот в полной беспомощности посмотрел на Пафнутьева, прося помощи и защиты.

– Летом у него отпуск, летом, – весело сказал Пафнутьев. – Но недельку-вторую ему и сейчас могут дать. Зимой. За хорошую работу по защите граждан.

– Заметано! – сказал Анцыферов и, вскочив, унесся отдавать указания. Внешне он не изменился после того, как покинул кабинет городского прокурора. Та же тройка, галстук, блестящие туфли...

Пафнутьев с улыбкой наблюдал за суетой Анцыферова в глубине зала и понимал, все-таки изменился Анцыферов. Легче стал, проще. Складывалось впечатление, что нашел человек себя, нашел дело, в котором уверен, спокоен, и нет у него никакой надобности с кем-то советоваться, искать чьего бы то ни было одобрения. Уже не нужно было тужиться, что-то там изображать надсадно и бестолково, подыскивать слова, которые бы ни к чему не обязывали. Теперь слова сами слетали с его уст, простые, естественные, уместные. Несмотря на печальное происшествие в ресторане, Анцыферов был оживлен, вездесущ и как-то радостно возбужден. Он знал, как себя вести, что ответить на вопросы Пафнутьева и Шаланды, о чем умолчать, чтобы его роль в случившемся была чиста и печальна. И неуязвима.

– Быстро перестроился, – пробормотал Шаланда.

– А он и не перестраивался. Не было надобности. Он всегда был на изготовку. Раньше приговоры подавал на блюде, сейчас вот кофе. Быстро, четко, умело... Ты и оглянуться не

успеешь, как однажды утром обнаружишь на собственном столе конверт с авиабилетами на Канарские острова.

– Ты что? Умом тронулся?

– Кто? Я? – удивился Пафнутьев так искренне, что Шаланда даже не заподозрил розыгрыша. – Ладно. – Пафнутьев повернулся наконец лицом к столу. – Что тут случилось?

Шаланда не успел ответить, из подсобных помещений к ним быстро приближался официант в белом кителе с золотыми пуговицами, сверкавшими, как у солдата на первом году службы. Он огибал столы с такой скоростью, что даже наклонялся на поворотах, как самолет на спуске.

– Прошу вас. – Официант поставил на стол поднос с двумя чашками кофе и двумя маленькими, граммов по пятьдесят, бутылочками коньяка. – У нас сегодня немного прохладно, может быть, это окажется и кстати.

– Окажется, – кивнул Пафнутьев, и официант удалился с таким гордым видом, будто исполнил опасный номер. С некоторых пор Анцыферов хорошо знал, что вручить даже такую невинную взятку, как сто граммов коньяка, действительно опасно. Но знал он и то, что Пафнутьев мелочиться не станет.

Увидев в глубине зала Анцыферова, наблюдавшего за ними с напряженным вниманием, Пафнутьев встал и церемонно поклонился. Благодарю, дескать, премного доволен. И Анцыферов склонился в поклоне, прижав руку к груди. Открыв микроскопическую бутылочку, Пафнутьев вылил коньяк в кофе, бутылочку спрятал в карман.

– Следы преступления надо уничтожить, – пояснил он Шаланде, который никак не мог решить, что ему делать со своим коньяком. Поколебавшись, он последовал примеру Пафнутьева и так же, как и тот, сунул бутылку в карман. Заметив на столе оставшиеся алюминиевые пробки, он их тоже сунул в карман. Теперь уже никто не мог заподозрить его в противоправных действиях.

– Представляешь, до сих пор не могу избавиться от ощущения, что он прокурор города, – проговорил Шаланда с виноватой улыбкой.

– Это пройдет, – невозмутимо ответил Пафнутьев.

– Значит, так... – Выпив кофе двумя глотками и отставив чашку, Шаланда приступил к делу. – Полчаса назад... подкатывает к ресторану на мотоцикле...

– Один?

– Да, свидетели говорят, что он был один. Одежда обычная – черная куртка, шлем, очки... Достает автомат, короткий какой-то... Вроде «калашников», но укороченный...

– Знаю, – кивнул Пафнутьев.

– Не торопись передергивает затвор и дает длинную очередь по окнам. Некоторые утверждают, что была и вторая очередь... Гильзы мы подобрали. Половину обоймы выпустил. Потом развернулся, свернул в переулок и был таков.

– Жертвы?

– Есть... Один умер на месте. Его увезли до того, как ты пришел.

– Могли бы и не торопиться.

– Увезли, Паша. Если захочешь посмотреть, знаешь, где его можно найти. Теперь не убежит. Второго ты видел. Должен выжить. Я не силен в медицине, но по части огнестрельных ранений за последние два года получил неплохой опыт...

– Понял. А остальные посетители? Уцелели? Выжили?

– Видишь ли, Паша, ресторан был пуст. Время раннее. Анцыферов тебе расскажет подробнее. В это время здесь вообще никого не бывает. Только вон в том углу сидели четыре человека. Беседовали. Общались.

– Куда же они делись?

– А двоих ты знаешь...

– А остальные?

– Ушли, Паша.

– Как ушли?! – не понял Пафнутьев. – Как могли уйти, если двое из друзей валяются в кровищи?

– Ушли черным ходом.

– Так... Значит, один убит, второй ранен... А двое скрылись? Правильно?

– Все именно так, Паша. – Шаланда склонил голову, как бы преклоняясь перед пронизательностью Пафнутьева. – Тот мужик на мотоцикле с автоматом... Он, похоже, знал, кто именно сидит за столиком у окна. Не просто по окнам, он по ним полоснул. Это была разборка, Паша.

– Меня удивляет, почему тот хмырь на мотоцикле не бросил в окно еще и пару гранат.

– Да, так было бы гораздо надежнее, – согласился Шаланда.

– Что-нибудь знаешь о тех двоих?

– Об этом лучше поговорить с твоим другом Леонардом.

– Тоже верно.

– Наверняка рыло в пуху.

– Конечно. Поэтому он тебя и об отпуске спросил.

– Если он сунется ко мне с этими авиабилетами, – медленно проговорил Шаланда, шаря глазами по залу в поисках Анцыферова, – я не отпущу его, пока он их не съест без остатка.

– Крутой ты мужик, Шаланда, – проговорил Пафнутьев и придвинул к себе плоский кожаный кошелек. Внутри оказались несколько стодолларовых бумажек, блокнотик с телефонными номерами. – Кажется, все, – проговорил Пафнутьев и, сложив кошелек, легонько похлопал им по ладони. Что-то насторожило его, кошелек вел себя не так, как положено вести себя пустому кошельку из тонкой кожи. Пафнутьев снова заглянул во все отделения и потайные кармашки. Отогнув очередной отворот, он сунул туда палец и, вскрикнув, отдернул его. На пальце показалась капелька крови – в кошельке было что-то чрезвычайно острое. Теперь уже с большей осторожностью Пафнутьев вынул круглую жестяную крышку от консервной банки.

– Вопросы есть? – спросил он.

– Боже! – прошептал Шаланда. – Неужели он?

– Куда ты отправил раненого?

– «Скорая» увезла... К Овсову, конечно.

– Там надежно?

– Пока обходилось, – ответил Шаланда, бросив опасливый взгляд на Пафнутьева. Убеждался не один раз, если спрашивает Пафнутьев о надежности, то не зря, жди беды.

– Подбиваем бабки. – Пафнутьев окинул взглядом разбитые витрины ресторана. Лицо его, освещенное холодным белесым светом зимнего дня, изредка вспыхивало синеватыми бликами от милицейской мигалки. – Подбиваем бабки, – повторил он, но Шаланда перебил его:

– А чего их подбивать? Один убитый, второй при смерти, двое сбежали. Вот и все. Никого не осталось.

– Анцыферов остался, – негромко проговорил Пафнутьев.

– Ты думаешь...

– Конечно. Значит, так... Не теряя ни минуты, дуй к Овсову. У него там неплохо налажено, а ты удвой, понял? Утрой охрану. Похоже, мы схватили за хвост такого зверя, – он постукивал пальцем по тонкому кошельку, лежавшему на столе, – такого зверя, что не знаю даже, мы его схватили или сами заглотнули крючок. Похоже, отстрел идет, Шаланда. Большая охота началась. Когда ушел Байрамов, город начали делить заново. А сейчас, видишь... Вовчик Неклясов засветился.

– Будут трупы?

– А как же, – усмехнулся Пафнутьев. – На то он и Неклясов.

- Слышал, Листыгина хлопнули?
- Три дня по всем программам мне об этом докладывали. Все боялись, что не проникнусь, не так подумаю, не те выводы сделаю.
- Хороший был парень, – вздохнул Шаланда.
- Бедняков не убивают, сказал классик. Могу добавить: телеведущих тоже не убивают.
- Кого же убили?
- Крупного бизнесмена убрали. Мафиози... Хотя ему это слово, возможно, и не понравилось бы...
- В какую степь поскачем?
- Видел крышку от консервной банки? Все дела, где она мелькает, собираем в одну кучу. Ведь кое-кто и жив остался, есть свидетели. Они не очень хорошо выглядят, но живы...
- Пока, – сказал Шаланда, поднимаясь. И непонятно было, то ли он попрощался с Пафнутьевым, то ли поправил: хотя, дескать, свидетели и живы, но ненадолго, пока живы.
- Пока, – ответил Пафнутьев. И в его голосе тоже прозвучала двусмысленность.

* * *

Кабинет Анцыферова, затаившийся в подсобных глубинах ресторана, выдавал и хорошие доходы заведения, и хорошее представление хозяина о самом себе. Черная мебель, шторы с золотыми искорками, японский телефон, показывающий и продолжительность разговора, и время, и даже номер, с которого в данный момент кто-то решился звонить господину Анцыферову. Напротив письменного стола стоял шкаф, и в него на высоте человеческого роста были втиснуты три небольших телевизора. Один показывал вход в ресторан со стороны улицы, и в данный момент на нем можно было увидеть разгромленные окна, машину милиции, толпу любопытных. Едва войдя в кабинет, Пафнутьев увидел на экране Шаланду – тот тяжело шагал к своей машине. На втором экране можно было наблюдать за тем, что происходит в зале. Сейчас в зале было пустынно, шторы колыхались на снежном ветру, официанты в белых кителях сгребали и выносили битое стекло. Третий экран показывал кухню. Видимо, Анцыферов хотел твердо удостовериться в том, что продукты у него не воруют, посторонние люди на кухню не заглядывают, в рот и в карманы ничего не суют. А кроме того, повара и поваренки, зная, что в данный момент за ними придирчиво наблюдает хозяин, были более усердны и старательны.

За черным столом сидел Анцыферов. Лицо его было скорбным, но приветливым. Всем своим видом он выражал готовность помочь правосудию всеми своими силами и возможностями.

- Садись, Паша, – сказал он, показывая на черный стул с никелированными подлокотниками. – Выпить хочешь?
- Если спрашиваешь, то нет.
- Виноват... Сейчас дам команду.
- Не надо, Леонард. У нас еще будет повод... Похоже, мы с тобой надолго породнились.
- Не понял? – Анцыферов вскинул брови так высоко, что даже рот его приоткрылся, и выражение лица получилось изумленно-радостным, будто для него и в самом деле было большим счастьем видеться с Пафнутьевым ежедневно.

Пафнутьев сел в кресло, которое могло поворачиваться на мощной металлической штанге. И он, конечно же, не упустил такой возможности – повернулся вместе с креслом вокруг оси, внимательно осмотрев весь кабинет.

- А здесь не хуже, – наконец сказал он.
- Я тоже так думаю, – холодно ответил Анцыферов, он не любил, когда ему напоминали о прежней деятельности. То ли считал, что много потерял, то ли был уверен в обрат-

ном – многовато приобрел, оказавшись во главе преуспевающего предприятия. – Слушаю тебя, Паша.

Пафнутьев сделал еще один оборот, задержался взглядом на мелькающих экранах, получив полное представление о том, что делается на улице, в ресторане, на кухне...

– Дорого обошлось? – спросил он, кивнув на экраны.

– Спонсоры помогли.

– А что, они еще живы?

– Мои живы, Паша, – улыбнулся Анцыферов.

– Я не имел в виду твоих или чужих... Я хотел спросить... Разве еще существуют на белом свете спонсоры, меценаты, благодетели?

– Иногда я тоже в этом сомневаюсь.

– Ну, ладно, – вздохнул Пафнутьев, с сожалением оставляя приятную тему. – Когда это произошло? – Он кивнул на экран, на котором у разбитых окон возились официанты, подбирая осколки стекол, подметая мусор, сгребая в кучи грязные скатерти.

– Примерно час назад... Около одиннадцати. Мы только успели открыться.

– Зал был пуст? – невинно спросил Пафнутьев, чувствуя, как сердце его легонько дрогнуло, – вопрос был со вторым дном. Анцыферов подвоха не уловил, по простоте душевной полагая, что бестолковый разговор ни о чем и обо всем одновременно продолжается. Просто-вак все-таки был Анцыферов, простоват. Если раньше он упивался детскими пистолетами и железной дорогой, доводя до изнеможения собственного сына, то теперь забавлялся мелькающими экранчиками.

– Да, – кивнул Анцыферов. – Кроме этих посетителей, в зале никого и не было.

– А что, бывают и столь ранние посетители?

– Бывают, – снисходительно улыбнулся Анцыферов.

– Я понимаю, когда люди вечером спускают хорошие деньги – вино, женщины, впереди долгая ночь, полная музыки, шампанского, песен и плясок... Действительно, ничего не пожалеешь... Но утром, спозаранку и в такой дорогой ресторан... Как понимать?

– Есть люди, Паша, для которых деньги – не самое главное, – с горделивой назидательностью произнес Анцыферов, давая понять, что его клиенты денег не считают.

– Да? – удивился Пафнутьев. – Это сколько ж надо иметь денег, чтобы они перестали быть главным в жизни?

– Это зависит от многих причин... Воспитание, масштаб личности, цели, которые человек ставит перед собой. – Анцыферов все еще трепался бездумно и легковесно.

– А эти... которые с самого утра завалились?

– Да я их толком и не видел, – спохватился Анцыферов, но было поздно, он уже признался в том, что знает этих людей.

– Прости, Леонард. – Пафнутьев положил тяжелую ладонь на черную поверхность стола. – К тебе ранним утром...

– Да ну тебя, Паша! Какое раннее утро в двенадцатом часу!

– Не надо меня перебивать, Леонард. А то я путаюсь, теряю мысль и могу показаться тебе глупым... Даже глупее, чем всегда. Хотя это и трудно. Так вот... – Пафнутьев поднял ладонь, останавливая Анцыферова, который уже собрался было заверить гостя, что никогда глупым его не считал и даже, более того, всегда относился к нему как к человеку чрезвычайно способному. – Погоди, Леонард... Утро – это понятие относительное. Одни ранним утром считают четыре часа, другие и в одиннадцать проснуться не могут... Не об этом речь. Речь о твоих клиентах. О которых ты с большим уважением заметил, что деньги для них не главное. Вопрос – что для них главное?

– Мы говорили не о них, Паша, – тихо поправил Анцыферов. – Мы говорили вообще...

– Никогда и ни с кем не говорю вообще... Даже в постели я человек чрезвычайно конкретный. До ограниченности. Итак... Кто они?

– Понятия не имею.

– Как! Ты не знаешь Вовчика Неклясова?

– Никогда не слышал о таком.

– А эти часто бывали?

– Знаешь, мне кажется... Если я, конечно, не ошибаюсь... Мне кажется, что как-то они были... Недели две назад... Нет, скорее всего я ошибаюсь.

– Двое, которые остались живы, ушли черным ходом. Они знали, что в твоём ресторане есть чёрный ход?

– Чёрный ход есть всегда... Везде. Чего тут особенного? Повара, снабженцы, грузчики пользуются только чёрным ходом. Об этом знает каждый нормальный человек.

– Леонард, это нормальные знают. А я другой. Значит, так... По окнам стрельба, скатерть белая залита кровью, двое на полу, двое рвут в твою сторону, мимо этого вот кабинета... А ты ничего о них не можешь сказать?

– Молодые ребята, неплохо одеты, что-то кашемировое...

– Сейчас в кашемировом ходят даже уличные лоточники. Это форма всех торгашей. Где твоё пальто?

– На вешалке. – Анцыферов кивнул в сторону шкафа.

Пафнутьев поднялся, распахнул дверцу и увидел розоватое длинное пальто.

– Все ясно. Они тоже в кашемировом?

– Мне так показалось. – Ох, не зря Анцыферов работал когда-то прокурором, все вопросы Пафнутьева разбивались о его неопределённость.

– Не хочешь ты мне помочь, Леонард, – тяжело вздохнул Пафнутьев и, резко оттолкнувшись, сделал полный оборот вместе с креслом. – И я даже знаю почему.

– Ну? – живо поинтересовался Анцыферов.

– Рыло в пуху.

– Грубовато выражаешься, – обиделся Анцыферов.

– Не я, народ. Это все он, негодник. Рыло в пуху, рожа крива, полюбишь козла... Необразованный, темный, пьяный... Вот и несет что попало. Прости нас, Леонард!

– Кого это – вас?

– Меня и народ, – широко улыбнулся Пафнутьев, довольный, что поймал Анцыферова в эту невинную ловушку. – Хорошо. Бери ручку, бумагу и пиши. Так, мол, и так, настоящим подтверждаю, что люди, подвергшиеся нападению в ресторане, мне неизвестны, видел их впервые... Ну и так далее. Может, и от себя что-нибудь добавишь.

– Зачем такая расписка?

– Не знаю, – беззаботно ответил Пафнутьев. – Авось пригодится. Когда выяснится, к примеру, что один из убитых – твой сват, один из сбежавших – твой брат, тогда я эту бумажку тебе под нос. А судья и скажет... Нет, скажет, Леонард Леонидович, вы были неискренни во время следствия, пытались утаить ваши криминальные связи, увести от наказания опасных преступников и потому снисхождения не заслуживаете, и я вынуждена буду, скажет судья, этакая полная женщина с накрашенным ртом и мелкими кудельками на голове, я вынуждена буду применить к вам не первую, а вторую часть статьи, которая предусматривает...

– Заткнись, Паша, – негромко сказал Анцыферов. Полная женщина с крашеными губами и высветленными кудельками, видимо, вызвала у него воспоминания, бросающие в дрожь. – Я напишу расписку, или как там ты ее называешь. Только не сейчас. Я должен подумать, собраться... Я плохо себя чувствую. Обстрелян и разгромлен мой ресторан, убиты люди...

– Убит только один, – поправил Пафнутьев.

– Это неважно... Идет следствие, милиция... Не могу. Извини. Чуть позже.

– Хорошо, – легко согласился Пафнутьев. – Пусть будет так, как ты хочешь. Я всегда шел тебе навстречу, зачем сейчас нарушать сложившиеся отношения? Не буду. Скажи, пожалуйста... У тебя есть заместитель?

– Есть, но он в отъезде...

– Далеко?

– На Кубани. За вином поехал.

– Помощник есть?

– Не понимаю, о чем ты? Есть бухгалтер, снабженец...

– Где они сидят?

– Рядом общая комната. Там несколько столов, телефоны и прочее.

– Этот кабинет ты занимаешь единолично?

– Конечно! – Анцыферов вскинул голову, словно бы оскорбленный таким вопросом. – Это мой личный кабинет.

– А в твоё отсутствие может кто-то зайти, посидеть за столом, позвонить, распить бутылку водки...

– Исключено! – резко сказал Анцыферов. – Я запираю дверь, даже если выхожу на пять минут.

– Это хорошо, – одобрил Пафнутьев. – Так и надо. Все-таки должно быть какое-то расстояние между хозяином и услугой, верно?

– Да, – неуверенно кивнул Анцыферов, пытаясь понять, к чему клонит Пафнутьев, чего добивается. – Видишь ли, есть коммерческая тайна, документы, отчетность... Деньги, в конце концов... Я просто вынужден хранить неприкосновенность этого кабинета.

– Даже дверь, я вижу, бронированная, – уважительно произнес Пафнутьев.

– Дверь бронированная, кованая решетка на окне, сигнализация, телевизионные камеры, – перечислял Анцыферов каким-то странным тоном, и хвалясь владениями, и все больше настораживаясь.

– Значит, никто не пользуется твоим кабинетом? – повторил вопрос Пафнутьев.

– Я же сказал. – Анцыферов снова перешел к своей манере отвечать неопределенно, ни на чем не настаивать, ничего не утверждать.

Пафнутьев откинулся на спинку кресла, подпер щеку ладонью, прикрыл глаза и, кажется, задумался или, устав, решил немного передохнуть, а то и вздремнуть. Анцыферов недоуменно склонил голову к плечу, как умная собака, пытаясь понять, как поступить. Рука его, как обычно в таких случаях, непроизвольно дернулась вперед, кисть обнажилась, и он посмотрел на часы. Потом потянулся к телефону.

– Не звонить! – резко сказал Пафнутьев.

– Не понял?

– Не надо звонить при мне. Уйду – тогда сколько угодно. А сейчас не надо.

– А если мне позвонят?

– Трубку не брать.

– Но я могу и не послушаться, а, Паша?

– Послушаешься. Иначе применю оружие.

– Что происходит, Паша?

– Когда уйду – говори с кем угодно, звони куда угодно... Но пока я здесь, хочу наслаждаться общением только с тобой. – Пафнутьев, будто извиняясь, развел руки в стороны: дескать, извини, дорогой, тут я не властен над собой.

В это время раздался мягкий, воркующий звонок. Анцыферов вопросительно посмотрел на Пафнутьева. А тот невозмутимо поднялся и взял трубку.

– Вас слушают, – сказал Пафнутьев скомканным голосом так, что сразу невозможно было понять, кто говорит. Но слова он произнес анцыферовские. Тот, сидя в прокурорском кабинете, начинал разговор с этих вот церемонных, вроде бы уважительных слов.

– Леня, мы у тебя кое-что забыли, – произнес молодой голос. – Ты в курсе? Алло!

– Говорите, я слушаю! – сказал Пафнутьев и весело подмигнул Анцыферову, давая понять, что разговор идет легкий, необязательный и не грех при таком разговоре пошутить.

– Это Леонард?

– Вас слушают, – повторил Пафнутьев, но человек на том конце провода уже догадался о своей ошибке и положил трубку.

– Кто звонил? – спросил Анцыферов.

– А! – Пафнутьев беззаботно махнул рукой и снова уселся в кресло. – Твои ребята звонили.

– Какие ребята? – помертвевшим голосом спросил Анцыферов.

– Ну, эти... Как их... Которые утром перекусывали, а потом сматывались черным ходом.

– И что сказали?

– Леонард! – воскликнул Пафнутьев. – Я тебя не понимаю! Вместо того чтобы возмутиться, послать меня к какой-то там матери, ты все принимаешь за чистую монету и даже спрашиваешь, о чем был разговор... Как понимать?

– Шутка, – холодно сказал Анцыферов. – Это, Паша, была шутка. И не более того. Ты перестал понимать шутки, переутомился. И вообще, если хочешь услышать мой совет...

– Остановись, Леонард. Остановись. Скажи, ведь не может быть, чтобы при такой вот технике, как у тебя в кабинете, ты не предусмотрел обычных динамиков? Можешь вот так сразу, не выходя из кабинета, обратиться к коллективу? Можешь пригласить нужного человека? Увидев на экране беспорядок, громогласно сделать замечание?

– Конечно, могу, – кивнул Анцыферов, явно польщенный.

– А мне позволишь воспользоваться микрофоном?

– Хочешь выступить перед моим коллективом?

– Нет, перед своим.

– Даже так, – усмехнулся Анцыферов, ожидая, видимо, какого-то развлечения. – Ну что ж... Валяй, Паша, выступай. – И он протянул ему микрофон на маленькой подставке, щелкнув кнопкой.

– Могу начинать? – спросил Пафнутьев.

– Да, Паша, ты в эфире.

Пафнутьев взял микрофон с некоторой опаской, взглянув на экран, который показывал вид ресторана с улицы, подмигнул Анцыферову: сейчас я, дескать, такое выдам, ты просто обхохочешься, на меня глядя.

– Внимание, – сказал Пафнутьев и повторил: – Внимание! – Люди на экране телевизора замерли, посмотрели куда-то вверх, видимо, оттуда неслись звуки пафнутьевского голоса. – Следователь Дубовик, эксперт Худолей, оперативники из уголовного розыска... Говорит Пафнутьев... Прошу явиться в кабинет директора ресторана... Повторяю... Дубовику, Худолею, оперативникам с понятиями срочно явиться в кабинет директора ресторана. Все.

Анцыферов смотрел на Пафнутьева со смешанным чувством, и ужас можно было различить на его лице, и недоумение, и усмешку, впрочем, усмешки было совсем немного.

– Что происходит, Паша?

– Оперативно-следственные мероприятия.

– Цель?

– Раскрытие преступления. Как всегда, Леонард, как всегда.

– Почему здесь, в моем кабинете?

– Мне показалось, что так будет лучше.

Поблудневший Анцыферов оцепенело смотрел на экран, он видел, как несколько человек направляются ко входу в ресторан. Вот они приблизились, уже можно было различить их лица, и тут же они исчезли из поля зрения. Теперь шли другие – мужчина с женщиной, видимо, взятые понятыми из стоявшей вокруг толпы, и два оперативника.

– Обыск? – спросил Анцыферов.

– Возможно...

– Что будешь искать?

– Ничего. Я уже все нашел.

Анцыферов, видимо, хотел спросить, что именно нашел Пафнутьев, но не успел – дверь открылась, и в нее вошел Худолей, бледный, спокойный, трезвый. Не было в нем огня, порывистости, азарта охотника. Сник Худолей, сник. Потоптавшись у двери, сел на стул, сумку свою поставил у ног, руки положил на колени и скорбно уставился на Пафнутьева, ожидая дальнейших указаний.

– Как жизнь, Худолей? – с подъемом спросил Пафнутьев.

– Спасибо, – смиренно ответил тот и опустил глаза. – Не жалею.

– Здоровье? – напористо продолжал допытываться Пафнутьев.

– Очень хорошо себя чувствую.

– Что-нибудь беспокоит?

– Воспоминания, Паша...

– О чем?! – удивился Пафнутьев.

– О тех счастливых временах, когда я мог себе позволить выпить рюмку водки, стакан вина, бутылку самогонки... Все в прошлом, Паша. Все в прошлом.

– Наверстаешь, – жестковато сказал Анцыферов, который хорошо помнил слабости эксперта еще по работе в прокуратуре.

– Ха! – безутешно произнес Худолей. – А вы знаете, Леонард Леонидович, сколько лет действует торпеда, если она окажется в вашей жопе?

– Не интересовался, – отрезал Анцыферов и чуть вздрогнул, когда дверь резко открылась и на пороге появились оперативники с понятыми. Последним вошел Дубовик. Сначала показался его пылающий, как фонарь светофора, нос, налитый неведомой жизненной силой, потом появилась и сама физиономия – сероватая, тусклая, будто все краски, положенные лицу, захватил один только нос, ничего не оставив глазам, губам, щекам. Окинув всех взглядом, Дубовик присел рядом с Худолеем.

– Докладываю обстановку, – заговорил Пафнутьев, убедившись, что все, кому положено, пришли. – Мы находимся в кабинете владельца ресторана Анцыферова Леонарда Леонидовича. Вот и он сам. Полтора часа назад совершено убийство. В общих чертах вам известно, как это произошло. Задача заключается в следующем... Необходимо осмотреть кабинет...

– Другими словами – обыск? – спросил Анцыферов.

– Для обыска требуется ордер прокурора, как вам известно, – улыбнулся Пафнутьев. – Поэтому употребляю слово «осмотр».

– Но суть остается?

– Разумеется, – кивнул Пафнутьев. – Продолжаю... Необходимо осмотреть кабинет и изъять вещи, которые могут оказаться полезными для раскрытия преступления. Эксперт заснимет процесс осмотра, наши поиски и находки.

– Я возражаю! – Анцыферов вскинул подбородок.

– Сколько угодно, – ответил Пафнутьев. – Ты, Леонард, возражаешь только потому, что я не закончил говорить. Когда закончу, свои возражения снимешь.

– Ты уверен?

– Да. И понятые подпишут протокол, в котором будет сказано и о возражениях, и о том, что возражения снимаешь. – Пафнутьев посмотрел в упор на Дубовика, давая понять, что

протокол со всеми подробностями лежит на нем. Дубовик понимающе кивнул. – Продолжаю. По предварительным данным, один посетитель ресторана убит, второй в тяжелом состоянии отправлен в больницу, двое их верных товарищей сбежали. Присутствующий здесь Анцыферов утверждает, что людей этих он не знает, никогда не видел, никаких дел с ними не имел. Я правильно излагаю? – повернулся Пафнутьев к хозяину кабинета.

– Не считая издевки, все правильно.

– Издевку в протокол не вносить, – сказал Пафнутьев Дубовику. – Хозяин возражает. Продолжаю. В этом шкафу, – Пафнутьев показал рукой за спину, – висит пальто господина Анцыферова. Нежно-розового цвета. Кроме того, висят еще пальто, тоже хорошие, а также кожаная куртка. Полагаю, что тут разделись гости господина Анцыферова, те самые, на которых совершено нападение. Внимательно осмотреть все карманы, тайные и явные, ни одна пылинка не должна пройти мимо вашего внимания. Надеюсь, господин Анцыферов не будет утверждать, что весь этот гардероб принадлежит ему лично.

Анцыферов сидел, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотник, и, кажется, готов был свалиться в обморок.

– Понятые, бдительные и беспощадные, остаются на местах. Дубовик пишет протокол, оперативники приступают к работе. – Пафнутьев поднялся. – Господин Анцыферов, прошу положить на стол содержимое ваших карманов. Меня интересуют блокноты, записи и прочие свидетельства вашей интимной жизни. Только в этом случае я обещаю самое благожелательное, щадящее отношение к вам в будущем, – добавил Пафнутьев, заметив, что Анцыферов собирается возразить. – Не надо ничего говорить, Леонард. Просто делай то, что тебе говорят. Я же знаю, что ты здесь человек подневольный. И потому всегда сможешь оправдаться перед ними. – Пафнутьев кивнул в сторону шкафа, возле которого уже стояли оперативники, готовые действовать.

– Ну что ж, – пробормотал Анцыферов в смятии. – Ну что ж... Пусть так, если ты настаиваешь...

– Мой тебе совет, Леонард... Не раздевай друзей в своем кабинете. Пусть пользуются общей вешалкой. Или у них какие-то секреты в карманах пораспиханы?

– Ты прав, Паша, ты прав... – Анцыферов снова обрел способность выражаться осторожно.

– Я вас оставляю ненадолго. – Пафнутьев обернулся уже от дверей. – Мне нужно кое с кем поговорить. Без меня не расходитесь.

* * *

Пройдя узкими коридорами подсобных помещений, Пафнутьев неожиданно оказался в общем зале. Потом уже сообразил, что шел на свежий воздух – от выбитых окон тянуло холодом. Уборка заканчивалась, двое мужичков в фуфайках прилаживали к выбитому пролету вместо стекла большой лист прессованной стружки. «Быстро», – с одобрением отметил про себя Пафнутьев и успел схватить за рукав пробежавшего мимо официанта.

– Стоп! – сказал он. – Прошу прощения... Мне нужно найти вашего парня, который обслуживал сегодня утром вон тот столик. – Пафнутьев кивнул в угол, где две девчушки – о, эта вечная слабость Анцыферова – старательно протирали мраморные плиты пола.

– Я обслуживал. – Румяный щекастый парень часто заморгал светлыми ресницами. – Только я не знаю...

– Ах ты, моя деточка! – сочувственно воскликнул Пафнутьев и, ухватив рукав белого форменного кителя, потащил официанта к ближайшему столику. – Скажи мне, ради бога, чего ты не знаешь?

– Видите ли, в чем дело...

– Да знаю я, в чем дело! Знаю. Ничего еще не спросил, а ты уже торопишься от всего откреститься... Какое сегодня число?

– Семнадцатое.

– Ну вот, а говоришь, что ничего не знаешь. Садись. Плотнее садись...

– Мне там надо помочь...

– Обойдутся.

– Леонард Леонидович просил разобраться...

– С ним уже разбираются. Успокойся. Расслабься. Вот так. Глубокий вдох, глубже, еще глубже... А теперь выдох, до конца, до дна... Молодец. Умница. Тебя как зовут?

– Павел.

– Неужели?! – восхитился Пафнутьев. – Ну повезло мне, ну повезло! Представляешь, я тоже Павел. Тезки мы с тобой... Теперь, Паша, слушай внимательно и отвечай не задумываясь... Готов? Поехали... Ты сегодня обслуживал тот столик, за которым произошло смертоубийство... Правильно?

– Д-да.

– Только не заикайся. Сколько их было?

– Четверо.

– Водку заказывали?

– Нет.

– Пиво?

– Нет.

– А обычно заказывали водку?

– Нет, только коньяк, – сказал официант и тут же замолчал, испуганно замигав светлыми ресницами. – Вообще-то я не знаю, что они заказывали обычно... Дело в том...

– Паша! – укоризненно протянул Пафнутьев. – Успокойся. Ну, проболтался, выскочило словечко, с кем не бывает... А ну-ка давай сюда копию их заказа. – Пафнутьев протянул руку, и официанту ничего не оставалось, как вынуть из нагрудного кармана свой блокнот.

– Видишь, они даже расплатиться не успели... И счет здесь, и копия, и копия... Ты даже успел подсчитать общую сумму... Хорош завтрак на полмиллиона, а? На четверых... Без водки и пива, а?

– Бывает и покруче...

– А ужин у них на сколько тянет?

– По-разному...

– В несколько раз больше? Можно так сказать?

– Можно.

– Крутые, значит, ребята?

– Сами видите.

– Ты в прокуратуре работал? – неожиданно спросил Пафнутьев.

– Нет! – отшатнулся официант. – А с чего вы решили?

– Отвечаешь так, будто лет двадцать прокурором оттрубил. Увиливаешь, Паша. Увиливаешь. Не надо. Что ты темнишь? Они же в кабинете у твоего шефа разделись... Там опергруппа по их карманам шастает... Знаешь, какие там находки? Ужас! Просто кошмар какой-то! А ты пытаешься припудрить мне мозги... Чаевые хоть хорошие давали?

– Счета не проверяли.

– Слушай меня внимательно... Я отойду в сторону, а то на нас уже оглядываются... А ты останешься здесь, за этим столиком. И не торопясь, но и не медля, опишешь все, что произошло сегодня утром. С указанием имен и фамилий твоих клиентов. Или кличек, если ты их знал по кличкам.

– Я не знаю... Я не могу...

– Помолчи. Мы с тобой вдвоем. Нас никто не слышит. Дело закрутилось серьезное, Паша... Очень. Ты работаешь на них? Не перебивай... На Леонарда? Хорошо. Работай на Леонарда, на Леопольда, на кого угодно. Но попомни мое слово... Однажды настанет день, когда ты с величайшей радостью вспомнишь, что у тебя есть надежный друг в прокуратуре, что у тебя в кармане начальник следственного отдела. Ты ничего не будешь подписывать, и я от тебя ничего не потребую. У нас с тобой только устная договоренность. Два мужика сговорились. И все. Тебе понадобится помощь, а она тебе понадобится, – Пафнутьев показал рукой на выбитые окна, – у тебя есть к кому обратиться. Мне понадобится – я на поклон приду. И что бы ни случилось, помни, у тебя в тылу начальник следственного отдела прокуратуры. Это не так уж плохо...

– Еще бы, – хмыкнул официант, и Пафнутьев понял – парень соглашается.

– Значит, договорились. – Пафнутьев вырвал из блокнота официанта чистую страничку и написал несколько цифр. – Вот мой телефон. Запомни. А когда запомнишь, бумажку выброси. Уничтожь. Чтоб вообще никаких следов, доказательств и прочее... Понял?

– Стукачом делаете?

– Дурак. Мы с тобой заключаем соглашение. О дружбе и взаимопомощи. Государства от таких договоров не отказываются... Люди слабее. Счета, которые ты выписал, я изымаю. Могут пригодиться. А ты здесь напиши в своем блокнотике...

– Писать не буду.

– Тогда и я не буду. – Пафнутьев был снисходителен и доброжелателен. – Слушаю.

– Был Вовчик Неклясов со своими ребятами. Они все из фирмы «Глобус». – Официант вынул платок и вытер взмокший лоб. Видно, нелегко дались ему эти несколько слов.

– Которая на окраине города?

– Нет, они в центре... Угол Чернышевского и Фурманова.

– А, эти, – беззаботно сказал Пафнутьев, хотя ни адреса, ни самой фирмы не знал. – Посредники.

– Поставки, – обронил официант.

– И вас снабжают?

– Конечно.

– Тогда другое дело. – Пафнутьев освобожденно вздохнул, откинулся на спинку стула. – Что я могу сказать... Чашку кофе и пятьдесят граммов коньяка... За счет директора.

– С удовольствием! – искренне произнес официант и уже хотел было подняться, но Пафнутьев его остановил:

– Да, чуть не забыл. – Он придвинул к официанту его блокнот. – Черкни свой телефон, вдруг позвонить придется.

Взяв ручку, официант быстро написал несколько цифр.

– И домашний тоже, – напомнил Пафнутьев. – Только напиши, где домашний, а где служебный. И адрес...

Парень, не задумываясь, выполнил просьбу и тут же пошел за кофе. Пафнутьев проводил взглядом его удаляющуюся фигуру с тяжеловатым задом и литым затылком. Вряд ли он будет хоть в малой степени заменой Ковелену, но свой человек в ресторане никогда не помешает. «Свой человек в ресторане», – повторил про себя Пафнутьев и только сейчас сообразил, что его разговор с парнем наверняка видел Анцыферов в кабинете. Пафнутьев чертыхнулся, но тут же успокоился, решив, что сам покажет Анцыферову изъятые из блокнота счета сегодняшнего утра. Это его утешит и снимет подозрения с парня.

– Вот за это, старик, спасибо! – искренне воскликнул Пафнутьев, увидев перед собой белую чашечку с кофе и хрустальную рюмку, в которой наверняка было больше ста граммов. Но этот подлог несколько не огорчил Пафнутьева. Он взглянул на официанта и встретился с глазами заговорщика. – Спасибо, старик.

* * *

Заведующий травматологическим отделением Овсов был хмур, неразговорчив, сидел за своим столом, и его тяжелое лицо, освещенное белесым светом дня, казалось массивным, морщины выглядели глубокими и резкими. Пафнутьев, столкнувшись с ним взглядом, все-таки подошел, пожал руку хирургу, сел на кушетку, застеленную белой простыней.

– Ты так суров, Петя, что я даже не знаю, какое слово произнести, как сесть, как повернуться. – Пафнутьев попытался вывести Овсова из какой-то глубокой отрешенности.

– Будет жить, – ответил хирург.

– Ну и слава богу, – вздохнул Пафнутьев с облегчением. – Пусть живет, раз уж ему так повезло.

– Кто он?

– Понятия не имею... Разберусь.

– Бандюга? – спросил Овсов.

– Скорее всего.

– Что-то в последнее время, Паша, у нас с тобой стали все чаще появляться общие клиенты.

– Это же прекрасно! Мы стали чаще видеться... У нас совместные интересы...

– Да, интересы общие, – вздохнул Овсов и со стуком поставил на стекло маленькую пульку. – Вот... Смотри. В одном сантиметре от сердца остановилась.

Пафнутьев взял пулю, повертел перед глазами, взвесил на ладони, как бы проверяя ее вес, надежность, убийную силу... И опустил в карман.

– Авось пригодится, – пояснил он. – Куда ты его поместил?

– Здесь, на этом этаже. – Овсов показал куда-то за спину.

– Надо бы его повыше... На верхний этаж.

– Под охрану? И этого тоже?

– Да, Петя.

– Послушай, у меня все клиенты нуждаются в охране... Что, уже гражданская война началась?

– А ты этого не знал?

– Так я уже стал фронтовым хирургом?

– Конечно, – кивнул Пафнутьев. – У тебя бывают дни, когда не поступают люди с ножевыми, пулевыми ранениями, с рваными ранами, которые оставляют осколки от гранат, мин, бомб? Бывают такие дни?

– Выпить хочешь? – спросил Овсов и, не дожидаясь ответа, протянул руку в тумбочку, вынул початую бутылку «Столичной», хорошей «Столичной», как сразу отметил Пафнутьев. Так же молча Овсов достал две мензурки, налил граммов по сто пятьдесят и, завинтив пробку, спрятал бутылку в тумбочку. – Будем живы, Паша, – сказал Овсов и выпил.

Пафнутьеву ничего не оставалось, как последовать его примеру. От кушетки он дотянулся до мензурки, выпил, поставил посуду на место. Овсов, снова сунув руку в тумбочку, вынул блюдо с влажными маслинами.

– Шикуюшь, Петя.

– Шикую?! – удивился Овсов. – А ты знаешь, сколько стоит скромный ужин на четыре персоны в приличном месте? Миллион.

– Откуда тебе это известно?

– Не от всех приглашений я отказываюсь, Паша, не от всех. И потому немного знаю о том, что происходит за этими окнами. Кружка пива в приличном месте стоит пятьдесят тысяч рублей. Моя сестричка получает за месяц примерно столько же.

– Кстати, а где твоя сестричка? Что-то ее не видно.

– Все течет, Паша, все меняется, – ответил Овсов, пряча блюдо в тумбочку. Голову он наклонил вниз, долго не мог закрыть дверцу, словно боялся, что гость о чем-то догадается по его глазам.

– Ничего! – Пафнутьев легко махнул рукой. – Вернется.

– Ты думаешь? – с надеждой спросил Овсов и так посмотрел на Пафнутьева, с таким простодушием, что тот смутился от своего легковесного заверения. Но и отступить было некуда.

– Уверен, – твердо произнес Пафнутьев. – Позвонит как-нибудь вечером и спросит мимоходом, куда пропал, почему тебя не видно, как понимать столь долгое отсутствие...

– Врешь, – без уверенности произнес Овсов. – Знаешь, кто у нее хахаль? Банкир.

– Посадим, – не задумываясь, ответил Пафнутьев. – Если его не хлопнут.

– Да ну тебя! – Овсов досадливо махнул рукой. – Не надо его хлопать... И сажать не надо... Пусть живет.

– Вернется, – повторил Пафнутьев почти неслышно, и именно это слово прозвучало с неожиданной убежденностью. – Знаю я нынешних банкиров... Молодые, самоуверенные, богатые, занятые... Презентации, знакомства, поездки, сауны... Обильная пища, разнообразие напитков и связей... Если человек успел хлебнуть настоящих отношений, он быстро разберется что к чему... Если он сам, конечно, не из этой породы.

– Ладно, Паша, оставим, – вздохнул Овсов. И, вопросительно посмотрев на Пафнутьева, потянулся к тумбочке.

– Нет-нет. – Пафнутьев выставил вперед ладонь. – Слишком хорошо – тоже нехорошо. Скажи мне вот что... У тебя лежит Бильдин, человек с обрезанными ушами.

– Будет жить, – ответил Овсов, не дожидаясь дальнейших пояснений.

– Тоже, кстати, банкир.

– Возможно... Так что?

– Он на верхнем этаже?

– Ты же сам сказал...

– Да, ему нужна охрана. Но сейчас я о другом... Они не должны встретиться хотя бы в ближайшее время – Бильдин и сегодняшний клиент, из которого ты пулю вынул.

– Так... – Овсов побарабанил пальцами по столу, долгим взглядом посмотрел в окно на падающие, проносящиеся мимо стекол снежинки, на серое небо, потом взгляд его и мысли как бы вернулись в кабинет. – Это все, что мне положено знать?

– Есть древняя, еще библейская истина, Овсов, – усмехнулся Пафнутьев. – Знания рожают скорбь. Чем больше знаний, тем больше печали...

– Больше не бывает, – обронил Овсов.

– Да? – Пафнутьев внимательно посмотрел на хирурга, но тот поспешил спрятать взгляд за густыми седоватыми бровями. – Вообще-то да, вообще-то конечно... Ну, раз так, пусть будет так. – Пафнутьев вынул из кармана кошелек, найденный им в ресторане Анцыферова, и, раскрыв его, вытряхнул на стол перед Овсовым остро отточенную крышку консервной банки. Ее край не был гладким, он был сделан даже волнистым, как бывает на лезвиях филиппинских мечей – они легко разваливают человека надвое.

– Что это?

– Крышка.

Овсов осторожно поддел металлический кружок ногтем, приподнял, внимательно осмотрел со всех сторон, провел пальцем по лезвию.

– Бриться можно.

– И уши отрезать, – добавил Пафнутьев.

– Вон ты куда... Хочешь сказать, что над моим больным поработали этим инструментом?

– Мне так кажется.

– Слушай, а почему крышкой? – спросил Овсов. – Ведь можно ножом, бритвой, ножницами, в конце концов, садовым секатором, а?

– Крышкой страшнее. Как метод воздействия – крышка убедительнее. Сидят, выпивают, закусывают, открывают банку, а потом один берет заранее приготовленную крышку, подходит к связанному человеку и между прочим, не прекращая жевать и разговаривать с приятелями, одним движением оттяпывает ухо и брезгливо бросает на пол перед несчастным. И тот, видя свое бездыханное ухо, видя крышку от консервной банки, которая вся в крови валяется тут же, наверняка дрогнет, если не дрогнул до сих пор...

– Наверно, ты прав, – кивнул Овсов. – Поэтому я стараюсь не показывать больным своих инструментов... Некоторые теряют сознание при одном только виде всех этих скальпелей, пил, топоров, стамесок... А почему ты не хочешь, чтобы они встретились?

– Они все равно встретятся, просто я не хочу, чтобы они встретились раньше времени. Их ждет очная ставка.

– Ты хочешь сказать... Один из них жертва, а второй – палач?

– Мне так кажется. Может быть, проведем того, безухого?

– Зачем?

– Хочу показать крышку.

– Чтобы он ее узнал?

– Если, конечно, не бухнется в обморок.

– Должен выдержать. – Овсов поднялся. – Пошли. Тебя одного не пропустят.

– Настолько строго?

– Сам же на этом настаивал.

– Я не столько спрашиваю, сколько восторгаюсь.

– У тебя будет повод восхититься.

Пафнутьев и Овсов молча прошли в конец коридора и свернули на площадку. Здесь стояли небольшой столик из списанных и продавленных кресла, на них расположились два омонца в пятнистой форме и с короткими десантными автоматами. Когда на площадке показался Пафнутьев, они насторожились, и автоматы в их руках легонько вздрогнули. Но, увидев Овсова, оба опять обмякли, откинулись на спинки кресел.

– Пошли, пошли, – сказал Овсов, для омонцев произнес он эти слова, давая понять, что Пафнутьев идет с ним и те могут быть спокойны.

Поднявшись на два лестничных пролета, Пафнутьев и Овсов снова наткнулись на пост – там стоял один омондец в такой же пятнистой форме и тоже с коротким автоматом, на конце ствола которого была укреплена какая-то раздваивающаяся железка, напоминающая распустившийся цветочек. «Тот еще цветочек», – подумал Пафнутьев. Этот омондец хотя и стоял в одиночестве, но по объему явно превосходил тех двоих вместе взятых.

– Здравствуйте, Петр Степанович, – прогудел он, поднимаясь со стула. – Происшествий нет, больные живы и здоровы. – Его физиономия расплылась в улыбке.

– Это прекрасно, – ответил Овсов, проходя мимо. – Спасибо, Саша.

Оказавшись в длинном коридоре, Пафнутьев и здесь увидел двух омонцев: одного – в одном конце, второго – в противоположном.

– Не многовато ли охраны?

– Нет, не многовато. В самый раз, – ответил Овсов, не останавливаясь. – Знаешь, кто здесь лежит? Недостреленные, недорезанные, недобитые... Свидетели лежат, жертвы, попадают и сами преступники, которые не смогли свою работу сделать доброкачественно. И те, и другие находятся в опасной зоне, в зоне риска...

– Что с безухим?

– Болевой шок, психологический шок и страшная потеря крови. Конечно, без ушей он выглядит довольно своеобразно, но привыкнуть можно. Везучим оказался, у него растет непло-

хая шевелюра... Прикроет слабое место, еще за женщинами сможет ухаживать... Но досталось ему крепко. Кстати, за что?

– А ни за что... Деньги были, много денег, банк открыл, неплохой, вполне порядочный банк... А делиться не захотел. К нему раз пришли, второй, он охрану выставил, сам без охранников нигде не появлялся. Но ведь есть места, где охранники некстати... Из кровати его вынули. От женщины оторвали, кстати, от чужой женщины.

– Чужих женщин не бывает, – проворчал Овсов.

– Да? – удивился Пафнутьев. – А что, похоже, ты прав... Можно, запишу эту твою мысль?

– Вот его палата.

В палате находились четверо. Молодой парень с трубкой, торчащей из горла, – ему пытались отрезать голову. Второй уже с неделю лежал пластом, не шевелясь, – он весь был истыкан ножами. Вступился за девчонку, за чужую девчонку, которую видел первый раз в жизни. А нападавшим нужен был повод. И они его получили. Как понимал Пафнутьев, ребята просто тренировались, готовились к чему-то более серьезному. Две капельницы, нависшие над парнем, убедительно говорили о его состоянии. У окна лежал пожилой человек с простреленной грудью. Кто стрелял, он даже не знал, хотя, возможно, не желал говорить. Это его дело. Значит, решил смириться или сам разобраться. В таком случае вместо него здесь скоро появится его обидчик. Суровые законы мести спустились с гор и воцарились в городах. Четвертым был Бильдин.

– Вот мы и снова встретились, – радостно сообщил ему Пафнутьев, присаживаясь на белую крашеную табуретку. – Как жизнь?

– Очень хорошо, – ответил Бильдин, с трудом раздвинув бледные губы. Его худое остроносое лицо по цвету почти не отличалось от стен и не выражало ни боли, ни радости.

– Начальник говорит, что скоро выписываешься?

– Ему виднее.

– А сам? Не возражаешь?

– Как скажете...

– Что-то, старик, ты совсем скис. Так нельзя. Самое страшное позади.

– Нет, впереди...

– Ну ты даешь! А что у тебя впереди?

– Они меня не оставят.

– Охрану дадим...

– У меня была охрана. Знаете, когда было хуже всего? Когда они уши на сковородку бросили, в кипящее масло... И я вижу – мои уши жарятся... Казалось, они еще при мне...

– А потом что они с ними сделали?

– Собаке бросили.

– И что собака? – спросил Пафнутьев и тут же понял, что вопрос получился не очень тактичный. Но Бильдин оставался невозмутимым.

– Сожрала, – сказал он. – И после этого я потерял сознание.

– Круто. – Пафнутьев обернулся к Овсову, который задержался у простреленного, снова повернулся к Бильдину. Поколебавшись, достал все-таки кожаный кошелек и осторожно вынул металлический кружок – крышку от консервной банки.

– Если это и не она, то очень на нее похожа... – сказал Бильдин. – Вы его взяли?

– Если это она, то взяли.

– Живым?

– Не уверен.

– Это как?

– Он в плохом состоянии.

– Ему хуже, чем мне?

– Сейчас – да. Ты по сравнению с ним... многоборец. Когда его поставят на ноги... Не откажешься опознать?

– Не откажусь.

– И на суде подтвердишь?

– Конечно.

– Это все, что я хотел узнать. – Пафнутьев поднялся. – Набирайся сил, ратного духа... Еще увидимся.

Обернувшись от дверей, Пафнутьев отметил про себя, что Бильдин так и не пошевелился. Его острый нос все так же был устремлен вверх, глаза полуприкрыты, руки поверх простыни вытянуты вдоль тела.

– Он в самом деле поправляется? – спросил Пафнутьев у Овсова, когда они вышли в коридор.

– Паша, он в шоке. Его и через год не назовешь выздоровевшим. Боюсь, что прежним он никогда не станет, не вернется в свой банк. Им придется подбирать другого председателя. Каждый раз, когда потребуется принимать решение, перед его взором неизменно будет возникать сковородка с кипящим маслом, а в нем будут плавать его уши... И собака, пожирающая эти уши... Это слишком сильный удар.

* * *

На улице продолжал идти густой мокрый снег, и асфальт был покрыт черными следами прохожих. День заканчивался, темнело, и машины медленно шли в снегопаде с зажженными подфарниками.

Сев на переднее сиденье рядом с Андреем, Пафнутьев некоторое время молчал, глядя в занесенное снегом стекло.

– Ну что он? – проговорил наконец Андрей. – Выжил?

– Операция прошла успешно. – Пафнутьев вынул из кармана и показал на ладони маленькую пульку. – Овсов сказал, что будет жить.

Андрей внимательно осмотрел пулю со всех сторон и вернул Пафнутьеву.

– Стекла у Леонарда толстые, наверно, погасили скорость пули.

– Странное какое-то происшествие, – пробормотал Пафнутьев. – Ни фига понять не могу.

– А чего странного... Банды схватились... Вот и все.

– Из-за чего? У них не было повода... Они недавно все миром решили, кто с кого берет, кто кем правит... И вдруг это дурацкое нападение... Ни фига не понимаю, – повторил Пафнутьев. – Утром... Почему они оказались утром в ресторане? Чего им там делать? Утром все приличные бандиты отдыхают. И потом – очередь сквозь стекло... Это даже не нападение, скорее предупреждение. Какая-то психическая атака. А то, что один убит, – чистая случайность. Он не должен был погибнуть.

– И тем не менее...

– Да, – ответил Пафнутьев с легким раздражением.

Чем-то не понравились ему слова Андрея, была в них какая-то торжествующая назидательность, будто Андрей хотел поправить его или уличить в непонимании чего-то. Он взглянул на парня, но тот сидел, невозмутимо глядя прямо перед собой.

– А второй ранен... Это нападение никому не выгодно. И Леонард в полной растерянности, ничего понять не может, мечется, делает ошибки... Ни фига не понимаю! Они же вроде помирились...

– Кто помирился? – спросил Андрей.

– Банды.

– Откуда вы знаете?

– Доложили, – ответил Пафнутьев, и опять ему не понравился вопрос. «Андрей не должен был спрашивать об этом, он понимает, что ответа быть не может, а если я отвечу, то это будет моя ошибка. И все-таки спросил... Будто сомневается, что мне действительно об этом известно». – Кстати, что-то тебя утром не было... На место происшествия пешком пришлось добираться.

– На заправке простоял. С бензином непросто, Павел Николаевич.

– Значит, вечером заправляться надо.

– Учту, – усмехнулся Андрей. – Куда едем?

– Домой, – вздохнул Пафнутьев. – В прокуратуре уже нечего делать.

Андрей включил «дворники», и они сразу, одним махом сдвинули в сторону слой мокрого снега с лобового стекла. Перед Пафнутьевым открылись улица, прохожие, огни машин. Андрей легонько тронул машину с места, и они тут же влились в неспешное движение транспорта.

– Ни фигя не понимаю, – в очередной раз пробормотал Пафнутьев и, откинув голову, закрыл глаза. Не нравился он себе в этот день. Похвастаться совершенно нечем. Правда, Анцыферова опять за руку схватил, но этого ему вовсе не хотелось. На Андрея вот ворчать начал. Нехорошо.

– Ты уж не имей на меня зуб. – Не открывая глаз, Пафнутьев похлопал Андрея по коленке.

– Ладно... Замнем для ясности.

Пафнутьев по голосу понял, что парень улыбается. И стало легче. Отпустило.

– А знаешь... Давай к Халандовскому, – неожиданно для самого себя сказал он. – Давно не виделись, надо пообщаться.

– Вика подождет?

И опять слова Андрея не понравились Пафнутьеву. Был в них укор, была усмешка, не то снисходительная, не то осуждающая. Андрей вообще не имел права говорить об этом. И снова в Пафнутьеве зашевелилось недовольство, легкое раздражение. Он ничего не ответил, не изменил позы, все так же сидел, откинув голову на спинку кресла и закрыв глаза. Андрей искоса взглянул на него раз, другой. То ли решил, что задремал Пафнутьев, то ли понадеялся, что тот не расслышал его вопроса. В машине установилась тишина, причем какая-то недоброжелательная. Слово оба договорились не продолжать разговор, чтобы не обострить его, не довести себя до слов резких и несправедливых.

– Я, кажется, что-то лишнее брякнул, – произнес наконец Андрей. – Вы тоже не имейте на меня зуб, Павел Николаевич...

– Ладно... Проехали, – отозвался Пафнутьев.

* * *

Изменился в последнее время Халандовский, сильно изменился. Ушла из него спокойная и бесшабашная уверенность, что все закончится прекрасно, что всегда у него будет полный холодильник, влиятельные друзья и отличное самочувствие. После всех потрясений, связанных с осуждением городского прокурора, когда он вынужден был выступить чуть ли не главным обвинителем на судебном процессе, Халандовский вдруг осознал, что не все в мире так хорошо, как прежде, не так уютно и безопасно, как ему казалось. Похудел Халандовский, как-то опал. Сменил костюмы, поскольку прежние стали велики, с лица сошло благодушное выражение человека, который всегда готов к хорошему застолью, к приятной беседе, к волнующей встрече. Теперь в его глазах частенько можно было заметить настороженность, он и оглядывался с опаской, и выражался осторожнее. И манеры изменились, ушли куда-то велича-

вые замедленные движения, когда он свободно и раскованно рассуждал о сильных мира сего, всем зная место, обо всех судя снисходительно и улыбочиво.

И это ушло.

Магазин свой он сохранил и девочек тоже сберег, как и прежде, за прилавками стояли благодушные полные женщины, здоровые и румяные. Но изменились и они. Человек, отлучившийся на полгода и снова заглянувший в магазин, конечно, сразу бы заметил перемены. Меньше улыбались женщины, а если кому-то и удавалось вызвать у них улыбку, какой-то вымученной она оказывалась, как продажная любовь в конце смены.

У них не случалось скандалов, их никто не упрекал в недовесах или обсчетах. Пришли новые покупатели, они не пересчитывали копейки сдачи, они не глядя совали в карманы тысячи, десятки тысяч, которые отсчитывала им кассирша. Но и это не радовало продавцов. Глядя на Халандовского, осунувшегося и немногословного, они понимали – идет война, идет жестокая, часто кровавая война на выживание.

Иногда в магазин наведывались молчаливые и какие-то замедленные ребята. Ничего не покупая, не подходя даже к витринам, они смотрели, как покупали другие, какие деньги платили, сколько. Потом отправлялись в кабинет к директору, а через некоторое время выходили от него, и была в выражении их лиц сытость. Понимали женщины – за данью приходили, опять кассу выгребали. И не было в мире сил, которые бы остановили их, призвали к порядку. Ушли счастливые, проклятые советские времена, когда Халандовскому достаточно было позвонить Пафнутьеву, чтобы раз и навсегда избавиться от этих побирušек с пистолетами в карманах, когда он мог, еще мог отправить на скамью подсудимых прокурора города, просто пожаловаться в милицию. То, что брал с него Голдобов – мир праху его! – было смешно, и сейчас он вспоминал об этом как о собственной безмятежной юности, как о первой трепетной и невинной любви.

Пафнутьев позвонил Халандовскому прямо из машины.

– Аркаша? Это я... Еду к тебе. Не возражаешь?

– Откуда звонишь?

– Из машины.

– За десять минут доберешься?

– Около того.

– Хорошо... Входная дверь будет открыта.

– Но я знаю код, – не понял Пафнутьев последних слов Халандовского.

– Жильцы меняют его каждую неделю.

– Зачем? – удивился Пафнутьев.

– А ты не знаешь?

– Догадываюсь вообще-то, – смутился Пафнутьев. – Ты один?

– К твоему приезду буду один.

– Я не помешал?

– Жду, – ответил Халандовский и положил трубку.

Когда машина въезжала во двор, Пафнутьев увидел, как из подъезда Халандовского быстро вышла женщина в серой волчьей шубе, которые последнее время в бесконечном количестве завозили из Кореи. Полгорода уже ходило в этих шубах – рыжих, серых, коричневых, огненно-красных. Верх у этих шуб был мохнатый, а полы, сшитые из полосок, напоминали косо уложенные паркетины. Женщина шла навстречу, пряча лицо от снега, от яркого света фар. Но на секунду открыла лицо, и Пафнутьев узнал ее – красавица– кассирша из собственного магазина посетила Халандовского в этот снежный вечер. Значит, не так уж и одинок его друг, значит, не столь уж и беспросветно его существование. Пафнутьев дал знак Андрею остановиться и, когда женщина поравнялась с машиной, открыл дверцу.

– Простите, может быть, вас подвезти?

– Спасибо, мне недалеко.

– Тогда тем более мне приятно оказать вам услугу. – Пафнутьев вышел из машины и приглашающе оставил дверь открытой.

– Ну что же... – Кассирша узнала Пафнутьева, но называть его по имени не стала, как-то усвоили все в последнее время, что чем меньше слов, чем меньше выплескиваешь свои знания в разговоре, тем лучше, безопаснее, тем дольше проживешь. – Вам зачтется, – сказала она с улыбкой.

– Очень на это надеюсь, – поклонился Пафнутьев. – Меня ждать не надо, – сказал он Андрею. – Сам доберусь.

Бронированная входная дверь действительно оказалась открытой. Войдя, Пафнутьев увидел несколько замков, приваренных к ней изнутри. Едва дверь стала на свое место, как все они дружно щелкнули. Теперь зайти в подъезд без ведома хозяев можно было разве что с помощью мощного взрыва. Поднявшись на третий этаж, Пафнутьев опять наткнулся на бронированную дверь без единого выступа, без ручек и защелок. Гладкий стальной лист сантиметровой толщины закрывал вход в квартиру Халандовского. Лишь на уровне человеческого лица было просверлено небольшое отверстие для глазка да в стороне, прямо на стене, едва просматривался забрызганный известкой звонок.

«То ли сильно разбогател Аркаша, то ли сильно перетрухал», – усмешливо подумал Пафнутьев, но, оглянувшись, увидел, что и все остальные двери на площадке тоже забраны мощными стальными листами. Знал Пафнутьев, что крупнейший цех машиностроительного завода перешел на изготовление таких вот бронированных дверей, которые каждую квартиру превращали в неприступный сейф. Цех, который год назад выпускал сельхозоборудование, теперь не успевал поставлять двери для города и, похоже, процветал, кормил весь завод.

Пафнутьев не успел нажать кнопку звонка, дверь бесшумно открылась, и он увидел на пороге Халандовского. Печального, мохнатого, улыбающегося.

– Заходи, Паша! Заходи, дорогой! – Халандовский обнял Пафнутьева за плечи, пропустил в квартиру и плотно закрыл дверь, не забыв повернуть два-три запора. – Раздевайся, разувайся, распрягайся, а я делом займусь. – И Халандовский метнулся на кухню. А Пафнутьев, снимая с себя отсыревшую куртку, пропитавшиеся водой туфли, чувствовал, что не только от одежды освобождается, он словно освобождался от чего-то тягостного, гнетущего, и становилось ему легко и беззаботно, как всегда, когда он входил в эту квартиру. И не удручали его ни бронированные двери, ни решетки на окнах, ни эти вот запоры, сработанные в странах сытых и самодовольных. – Знаешь, Паша, что мне в тебе нравится больше всего? – спросил Халандовский, появившись в комнате с тарелкой, наполненной громадными котлетами, на каждой из которых лежало по два тонких полупрозрачных кружочка лимона.

– Неужели что-то есть во мне такое-этакое?

– Я в восторге от того, что ты здесь не появляешься без трупа!

– Что?!

– У тебя сегодня труп был?

– Ну?

– И вот ты здесь, – расхохотался Халандовский.

– Откуда знаешь?

– По телевизору уже три раза передавали. Убит какой-то крупный мафиози, боевик, бандюга, называй как хочешь. Обстрел заведения Леонарда, автоматная очередь, один убит, второго увозят к твоему приятелю Овсову. Овсов уже сделал операцию и заверил общественность города, что клиент будет жить. А я сразу понял, что ты появишься к вечеру, и велел Наденьке приготовить котлет покрупнее. Я сказал так: чтобы котлета полностью покрывала ладонь моего лучшего друга Пафнутьева. Примерь! Если она будет тебе мала, если не накроет ладонь, заставлю Наденьку все переделать. А эти пусть сама ест!

– Не успеет, – проговорил Пафнутьев.

– Так вот котлеты... Половина мяса – свинина, отборная свинина, вчера еще хрюкала, вторая половина – телятина, вчера еще мукала... Ну и конечно, чеснок, лук, специи-шмеди и самое главное – холодильник. Котлеты должны быть холодными! Но с лимоном. И черный хлеб. Паша, запомни, хлеб должен быть черным, но свежим. И еще – зелень. Кинза, петрушка, укроп – только с грядки!

– Какие грядки в феврале, Аркаша? Опомнись!

– Только с грядки! – убежденно повторил Халандовский. – Если уж так случилось, что мы с тобой свалились в этот недоделанный капитализм, то надо ведь от него хоть что-нибудь взять! Нас приучили к перестрелкам на улицах, к крови на мокром снегу, к трупам в мусорных ящиках. Но ведь есть в мире и кинза на грядках! Есть укроп, от которого скулы сводит и рот наполняется божественной влагой...

– Чем? – переспросил Пафнутьев.

– Я имею в виду слюнку, – потупил глаза Халандовский. – Потому что если во время моего рассказа у тебя не выступила слюнка...

– Выступила, – обронил Пафнутьев.

– Значит, Наденька не зря старалась. Что будешь пить, Паша?

– Очень глупый вопрос.

– Понял. Прошу прощения. Больше не буду. – И Халандовский мотанулся на кухню, а через мгновение уже возвращался со «Столичной». Бутылка тут же, прямо на глазах, покрылась густым матовым инеем. – В морозилке была, – пояснил Халандовский. – Тебя дождалась. Между прочим, ты знаешь, как отличить хорошую «Столичную» от плохой?

– По вкусу, мне кажется, по запаху...

– Ни фиги! – прервал Халандовский неуверенный лепет гостя. – Кто тебе даст попробовать, нюхать? Внешне, только внешне надо уметь распознать, отличить дерьмо от нектара! Во-первых, бутылка не должна быть поллитровой! Только семьсот пятьдесят! Ты в своей прокурорской деятельности сталкивался с тем, чтобы подпольную водку разливали в большие бутылки?

– Да не припомню, честно говоря. – Пафнутьев был сбит с толку неожиданным напором Халандовского.

– Не помнишь, потому что не было. Дальше... Ты видишь эту золотистую рамку вокруг этикетки? Она должна быть именно золотистой, посверкивающей, нанесенной бронзовой краской, а не желтой или коричневой! И на зад у бутылки должна быть этикетка с бронзовой рамкой! А на косом ее склоне этакий полумесяц... Паша, а пробка!

– Я думаю, ее пора уже удалить, – смиренно заметил Пафнутьев.

– Ты прав, Паша! – И Халандовский, словно обессилев, рухнул в кресло и одним движением с хрустом свинтил пробку. Разлив тягучую, медленную, густую от холода водку в объемистые хрустальные стопки, он поставил бутылку на стол. На ней отпечаталась его громадная властная горячая ладонь, под которой растаял нежный иней. – Будем, Паша! – Халандовский поднял в приветственном жесте свою рюмку и, посерьезнев, словно сосредоточившись на чем-то важном, выпил. Прислушался к себе и, видимо, удовлетворившись тем путем, которым последовала водка, бесшумно поставил стопку на полированный столик. Потом взял прямо пальцами котлету и одним махом откусил половину вместе с кружком лимона. – Как хорошо, ах, как хорошо! – выдохнул он и откинулся на спинку кресла.

– Да, – согласился Пафнутьев. – Ничего котлета... Спиши рецепт.

– А что, твоя не умеет?

– Какие-то они у нее мелковатые получаются...

– Это годы, Паша... Это по молодости... Пройдет. С каждым прожитым с тобой годом котлеты у нее будут становиться все крупнее, массивнее, пока не достигнут такого вот размера... Так что там случилось спозаранку?

– Ты же все знаешь!

– Я знаю внешнюю сторону, то, что всем позволено знать... А у тебя – скрытая сторона, более приближенная к истине... Давай, Паша, выкладывай... Глядишь, и я кой-чего добавлю.

– Значит, так. – Пафнутьев расправился с котлетой, бросил стыдливый взгляд на тарелку и, убедившись, что можно не торопиться, что две-три котлеты его дождутся, какой бы аппетит ни разыгрался у Халандовского, отложил вилку в сторону. – Значит, так... Ресторан «Леонард»...

– Неважное заведение.

– Почему?

– Репутация подпорченная... Если бы я ничего не знал, а ты бы сказал, что в ресторане произошло смертоубийство, я бы сразу спросил: у «Леонарда»? У него и должно такое случиться. И в дальнейшем будет случаться. Извини, я перебил, продолжай.

– Едва Леонард открыл ресторан, у него уж первые посетители.

– Знаю, Вовчик Неклясов со своими боевиками.

– Вот-вот... И только они расположились и сделали заказ... Автоматная очередь с улицы. Странное какое-то нападение... Очередь пришлась по окнам, будто автоматчик стрелял не столько в неклясовских ребят, сколько стремился произвести побольше шума, понимаешь... Если бы Неклясов сел чуть в глубине, то, кроме звона стекол, ничего бы и не было... А так – один труп, один при смерти...

– Выживет, – сказал Халандовский.

– И это знаешь?

– Говорю же, по телевидению трижды передавали. Времена, Паша, настали такие, что скоро будут сообщать, сколько женщин забеременело за ночь, сколько из них по желанию, сколько по недоразумению, от кого и в котором часу. Свободой слова называется. Демократия. У них там, за бугром, только так. Значит, и нам негоже отставать. – Свое раздражение, гнев, восхищение Халандовский мог выразить единственным способом – он брал бутылку и наливал по полной стопке. – Вот вышла отсюда Наденька полчаса назад, а я уж боюсь телевизор включать... Вдруг чего про нас с ней скажут, вдруг глаза мне откроют на что-то такое, чего знать не желаю. Выпьем, Паша, и пожелаем друг другу крепкого здоровья, любви, молодости и красоты.

– И неиссякаемого благосостояния, – добавил Пафнутьев.

– Когда у нас будет все, что я перечислил, благосостояние, Паша, никуда от нас не денется. Пробьемся. Вперед! – И Халандовский двумя уверенными глотками выпил обжигающе холодную водку.

На некоторое время друзья замолчали, увлеченные котлетами размером с подошву не менее сорокового размера.

– Негуманные у тебя котлеты какие-то, – проворчал Пафнутьев с набитым ртом.

– Это как?

– Пьянеть не дают.

– Дадут, – уверенно заверил Халандовский, бросив неуловимо быстрый взгляд на бутылку, в которой оставалось еще не менее половины. – Дадут, – повторил он.

– А теперь скажи мне, Аркаша, – совсем другим тоном проговорил Пафнутьев, – что происходит в городе?

– Третья сила, Паша. – Лицо Халандовского, освещенное светом от розового абажура, сделалось значительным и почти скорбным. – Появилась третья сила. Можешь назвать ее третьей бандой. Все было тихо и спокойно, все, что можно было поделить, поделили между собой Неклясов и Фердолевский. Обложили налогом банки, магазины, рынки... Им, по-моему, даже отделения милиции платят.

– Но-но! – предостерегающе произнес Пафнутьев. – Говори, да не заговаривайся!

– Платят, Паша.

– И Шаланда?!

– А куда ему деваться? Он тебе не признается, совестно ему... Но если уловишь момент, поймашь хорошее такое, доверительное настроение, спроси. И он признается. Милиция платит Неклясову. А суды взял себе Фердолевский.

– О боже! – простонал Пафнутьев.

– Не надо, Паша... Ты знаешь об этом. Может, тебе не говорили впрямую... Как это делаю я... Но ты знаешь. А если бы не знал, то я бы тебя не уважал так, как уважаю, не любил бы так, как люблю... Не преклонялся бы перед тобой.

– И что же третья банда?

– Неклясов с Фердолевским поделили все, что можно. И доля каждого их устраивала. Они не ссорились и не убивали друг друга. Они водку вместе пили. А если кого и убивали для порядка, то чужаков, которые лезли на их территорию. И чужаки, если они хоть немного соображали, понимали, что дело будут иметь с обоими.

– И появляется третья сила...

– Да, Паша. Она уже появилась. Бросила вызов и одному, и второму.

– Послушай, а если все проще? Может быть, один из этих ребят, Неклясов или Фердолевский, напал на другого, не объявляя войны? И, чтобы избежать собственных потерь, валит все на некую третью силу, которой и в помине нет?

Халандовский некоторое время задумчиво смотрел на Пафнутьева, потом взял бутылку, иней с которой уже успел стечь прозрачными струйками, и снова наполнил стопки. Осторожно поставив бутылку на стол, чтобы не спугнуть собственные мысли, он сходил на кухню, принес лимон, не торопясь нарезал его и положил на каждую из оставшихся котлет по два кружка. И только после этого поднял глаза на Пафнутьева.

– Сомневаюсь, – сказал он. – Сомневаюсь, Паша.

– Почему?

– Видишь ли... Эти ребята... Неклясов и Фердолевский... Они не дураки. Они очень не дураки. И есть тысячи способов узнать о коварных замыслах, которые питает другая сторона.

– Например?

– У каждого из них во вражеском лагере есть свой надежный человек. И если бы тот же Неклясов затеял войну против Фердолевского, тот будет знать об этом до того, как прозвучат первые выстрелы. Они больше доверяют своим разведчикам, чем Иосиф Виссарионович. Хотя и тот был не дурак. Я подозреваю, что и он доверял своим разведчикам... Но на каком-то этапе ему было выгоднее делать вид, что он им не доверяет...

– Не будем о Сталине, – перебил Пафнутьев.

– А я о нем и не говорю, – невозмутимо ответил Халандовский. – Я говорю о Неклясове и Фердолевском. Они тоже могут делать вид, прикидываться и валять дурака... Но когда появляются трупы... Это уже невозможно.

– Что произошло сегодня утром у Леонарда?

– На одиннадцать была назначена встреча Вовчика Неклясова и Кости Фердолевского. Неклясов прибыл вовремя, Фердолевский опаздывал. Поэтому от автоматчика досталось ребятам Неклясова.

– Почему опаздывал Фердолевский?

– У него есть оправдание. Его машину в пригороде остановили на железнодорожном переезде. Он простоял там около часа – сошел вагон с рельсов. Пока вызвали кран, ставили вагон на место... Неклясов сам поехал и все проверил. И только тогда снял подозрение с Фердолевского.

– У Фердолевского тоже есть потери?

– Нет. – Халандовский покачал головой. – Но неделю назад взорвалась машина... Никто не пострадал. Он должен был ехать в этой машине, но что-то помешало...

– Как объясняют взрыв?

– Твердого мнения нет. Он не оставляет машину без присмотра ни на минуту. В ней постоянно кто-то находится. Днем и ночью, утром и вечером... Как в президентском самолете. Единственное объяснение, причем довольно жидкое: машину останавливали гаишники. Обыскивали, заглядывали в багажник, поднимали кресла, в «бардачке» шарили... Обычный осмотр на дороге. С каждым случается. У людей много оружия, везут мины, гранатометы, огнеметы... Идет война, Паша. Все очень просто.

– Надо бы мне повидаться с ними.

– С кем, Паша?

– С этими твоими... Неклясовым и Фердолевским.

Халандовский быстро взглянул на Пафнутьева, и, как всегда в затруднительном положении, рука его невольно потянулась к почти опустевшей бутылке. Потом брови его вскинулись вверх, открыв удивленные, озадаченные глаза, в которых постепенно возникало выражение шалости.

– Ну, ты даешь, Паша! – сказал Халандовский, разлив по стопкам остатки водки.

– А что? Мы с ними коллеги, работаем на правоохранном фронте... У нас одинаковые проблемы, часто и методы одни. И вот появилась одна проблема – третья банда.

– Я могу передать им твои слова?

– Можешь и от себя кое-что добавить. Все, что покажется уместным.

– Буду думать.

– Когда появилась третья банда?

– Месяца два назад... Может быть, три. – Халандовский повертел растопыренной ладонью в воздухе, давая понять, что его слова не следует воспринимать буквально. – Вначале были телефонные звонки... Неумелые, но отчаянные, как выразился Неклясов. Звонкам не придали большого значения. Мало ли шелупони ошивается вокруг любого стоящего дела...

– Деятельность Неклясова и Фердолевского ты называешь стоящим делом? – усмехнулся Пафнутьев.

– Называй как угодно... Но они ездят на «Мерседесах» последних моделей и ужинают у Леонарда. Ты когда-нибудь ужинал у Леонарда?

– Пока не звал.

– А они не ждут, пока их позовут. Если у тебя нет в кармане миллиона, к Леонарду можешь не заходить.

– У меня в кармане есть кое-что похлеще.

– Ну-ну?

– Протокол изъятия верхней одежды того же Неклясова. В шкафу у Леонарда висели несколько пальто и курток. Это не ресторан, а явочная точка.

– Ты изъяс пальто Неклясова в кабинете у Леонарда? – Халандовский поблел.

– Изъял и оформил документами – протокол, понятия, подпись Анцыферова.

– Паша, послушай меня, – заговорил Халандовский неожиданно тихим голосом. – Немедленно все верни. Вовчик становится обидчивым, когда дело касается его личных вещей. Паша, он очень обидчивый, – повторил Халандовский. – Он просто впадает в неистовство, когда у него пропадает зажигалка, авторучка...

– Штаны? – подсказал Пафнутьев, но Халандовский не был настроен шутить.

– Если вернешь с извинениями... Это будет удачный ход. И тогда я могу пообещать встречу с ним. Только тогда, Паша.

– Буду думать, – повторил Пафнутьев слова, которые совсем недавно произнес Халандовский. – Возвращаемся к третьей силе. Итак, какой-то хмырь звонит... И чего хочет?

– Паша, я говорю только то, что мне известно. Могу и ошибиться, с чьих-то слов выложить что-то недостоверное... Поэтому предупреждаю сразу – делай поправку.

- Ты сказал – с чьих-то слов... С чьих именно?
- Как я не люблю упоминать имена в разговоре, если бы ты только знал! – простонал Халандовский. – Неклясов мне говорил, Вовчик.
- Ему платишь?
- Ему.
- Сколько?
- Это важно?
- Конечно. По сумме я могу оценить степень вашей близости, вашей заинтересованности друг в друге.
- Трешку в месяц отдаю.
- Три миллиона?!
- Да.
- А он?
- Охраняет.
- От кого?
- От всех неприятностей, которые могут принести как государственные, так и бандитские формирования. Кстати, если тебе это интересно, государственные органы становятся все более бандитскими, а бандитские приобретают характер государственных.
- Понятнее можешь?
- Могу. Всевозможные контроли обладают, Паша, какой-то животной ненасытностью. Сколько бы ты ни дал – мало. Это от алчности и невежества. Они полагают, что если у меня магазин, то деньги текут рекой. Они не текут, Паша, рекой, рекой они вытекают. А бандиты более скромны, грамотны, обязательны. Они знают, как достаются деньги, как приходится вертеться, чтобы товар достать, завезти, сохранить, продать, сколько нужно отдать, чтобы откупиться от чиновников... Поэтому ведут себя более достойно. И они отработывают. Да, Паша, да. Отработывают эти три миллиона. Стоит кому-нибудь наехать на меня, потребовать денег, доли... Я спокоен. Я говорю: вот вам телефон Вовчика, звоните и договоритесь. И больше я этих людей не вижу.
- А вообще их кто-нибудь после этого видит?
- Да, встречаются иногда в других, совсем в других местах, городах, республиках... Но если они оказываются непонятливыми, непочтительными... Вполне может случиться так, что их вообще никто никогда уже не увидит.
- Крутой ты стал, Аркаша, – вздохнул Пафнутьев и, взяв свою стопку, выпил.
- Я говорю о крайних случаях, – смущенно пояснил Халандовский.
- Итак, третья банда. Ты, Аркаша, не уведешь меня в сторону от нее. Звонит хмырь, так? И Вовчик твой понимает – шелупонь. Так? На этом ты остановился. Продолжай.
- Паша... Эти ребята из третьей банды не такая уж и шелупонь. Ты сегодня выезжал на место происшествия? Видел последствия? Это шелупонь? Нет, это автомат Калашникова. И выстрелы не в воздух, не по стеклам, не по Леонарду, будь он неладен... Пули предназначались Вовчику... Это серьезно и очень опасно.
- Все?
- Подожди, я не сказал главного... У этих ребят из третьей банды, как ты их называешь, очень хорошая осведомленность. – Халандовский в упор посмотрел на Пафнутьева. – Они отлично знают, кто был у тебя на допросе, что сказал, кого выдал...
- Знают, кто был у меня на допросе? – отшатнулся Пафнутьев.
- Ну, Паша... Нельзя же так буквально! Не у тебя лично, не у твоего Дубовика или у Шаланды... Не об этом речь. Может быть, они блефуют... Но для хорошего блефа тоже нужны кое-какие знания... Так вот в общих чертах они знают, что происходит в ваших коридорах. И когда какой-то хмырь сообщает Неклясову по телефону, что взят его боевик, а Вовчик этого

еще не знает... Такие вещи убеждают, Паша. Не говоря уже о том, что узнать телефон Неклясова непросто. Я не уверен, что и ты его знаешь.

– Утечка информации? – напрямую спросил Пафнутьев.

– Называй это, Паша, как тебе удобнее, как ты привык. Может быть, утечка информации, может, в твоём заведении завелся человек не слишком преданный... А скорее всего люди с должностями, удостоверениями, с хорошей осведомленностью, технически вооруженные, грамотные и безрассудные...

– Ну?! – не выдержал Пафнутьев. – Ну и что?

– Может быть, они последовали всеобщему увлечению и сами сколотились в банду, а, Паша? Они могут перестрелять и Неклясова, и Фердолевского вместе с их ребятами. Еще и награды за это получают, поскольку борются с организованной преступностью... Это их святой долг! А? И перестреляют! Уж если ты на законном основании к тому же Неклясову или Фердолевскому не можешь подступиться, не по зубам они тебе... Уж если это так, Паша, а?

– Неужели мы и до этого дожили? – печально спросил Пафнутьев. – Неужели и к этому пришли?

– Не знаю, пришли ли, – Халандовский повертел в воздухе растопыренной ладонью, – но идем, Паша. Идем. Семимильными шагами движемся именно в этом направлении.

– Наливай, – сказал Пафнутьев.

* * *

Пафнутьев не торопясь брел по улице, стараясь как можно больше выдохнуть из себя алкогольных паров и прийти домой в пристойном состоянии. Мокрый густой снег продолжал валить, но теперь, когда совсем стемнело, видно его было только возле светящихся окон, у светофоров и уличных фонарей.

Стояла непривычная вечерняя тишина. То ли город засыпал раньше обычного, то ли снег разогнал прохожих, а может, тот же снег приглушил городские звуки. Уже к прозрачным сумеркам люди старались добраться до дома, чтобы не искушать судьбу и не подвергаться бессмысленному риску быть зарезанным одичавшими подростками, раздавленным пьяным водителем, не поймать собственным телом шальную пулю дурной перестрелки.

Проходя мимо леонардовского ресторана, Пафнутьев пристальнее всмотрелся в него. Ресторан был закрыт, уцелевшие два-три окна светились тускло и далеко не празднично, видимо, внутри продолжалась работа по устранению последствий утреннего нападения. Все выбитые окна были закрыты прессованной стружкой, но Пафнутьев нисколько не сомневался, что уже завтра все будет восстановлено в прежнем виде. Слишком большие деньги были на кону, слишком дорого обходился каждый день простоя. Да и посетителей нельзя было отпугивать, они должны знать, что никакие неприятности не смогут нарушить привычную работу заведения, что ресторан «Леонард» – это надежно, постоянно, навсегда. Как восход луны, как рассвет или закат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.